

УДК 1(470) (091)
ББК 87.3(2)

Гросул Владислав Якимович,
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник,
Институт российской истории, Российская академия наук,
ул. Дм. Ульянова, д. 19, 117036 Москва, Российская Федерация
E-mail: grosulvi@yandex.ru

РУССКИЕ СЛАВЯНОФИЛЫ ЗА РУБЕЖОМ В 30–40-Х ГГ. XIX В.

Аннотация: В статье ставится вопрос о роли зарубежных поездок русских славянофилов в становлении их общественно-политических взглядов. Автор рассматривает славянофильство как одну из форм русского либерализма, поскольку они были противниками крепостного права, ратовали за гласность и силу общественного мнения, выдвигали идею Земского собора — своеобразного русского парламента, боролись за индивидуальную свободу, за развитие предпринимательства. Их концепция о самобытном русском пути была разработана не потому, что они не знали Запада, а как раз наоборот. Запад они знали достаточно хорошо, и в статье подробно рассматриваются записки около двух десятков славянофилов и их сторонников, составленные во время путешествий по зарубежным странам Европы. Эти же записки свидетельствуют и о своеобразном политическом либерализме славянофилов, прежде всего А. И. Кошелева, А. С. Хомякова, братьев Киреевских и др. Но тем не менее славянофилы проповедовали идею особого пути России и ратовали за славянскую взаимность, духовность и душевность.

Ключевые слова: славянофилы, западники, либералы, консерваторы, идея самобытности, славянская взаимность, путешествия, А. Т. Кошелев, А. С. Хомяков, братья Киреевские, братья Аксаковы, европейские страны, русские англо-славяне, земледелие, сельское хозяйство, традиционализм, просвещение, учёные-славяне.

Славянофилы известны своим учением о русской самобытности, об особом пути России, отличном от Европы. Существует даже представление о некоем антиевропеизме славянофилов. Но, несомненно, прав В. Зеньковский, когда пишет о том, что отношение славянофилов к Западу прошло несколько стадий и в 30-х гг. все они были европейцами [17, с. 72]. Все они, и представители первого их поколения, и второго, были европейски образованными людьми. Каждый из них знал по несколько иностранных языков, прекрасно разбирался в немецкой философии, вкус к которой они получили ещё под влиянием кружка Николая Станкевича, специально выезжавшего в Германию для прослушивания лекций германских профессоров — философов. Хорошо они были знакомы и с жизнью стран Западной Европы.

Таковы типичные славянофилы, проповедники идеи славянской взаимности, а также славянской духовности и душевности.

Но и в среде славянофилов впоследствии тоже не было единства. Самым большим западником среди славянофилов считался Ю. Ф. Самарин [18]. Отнюдь не был чужд внимания к западным ценностям и такой деятель славянофильского направления, как В. А. Черкасский. Славянофилы были действительно одной из разновидностей русского либерализма, что убедительно показано в работах Н. И. Цимбаева [46, 47] и Е. А. Дудзинской [11, 12]. Они рассматривают славянофильство и западничество как две разновидности дворянского либерализма периода перехода от феодализма к капитализму [10, с. 262]. Однако это заключение не вошло в массовое историческое сознание¹, и в энциклопедии по истории российского либерализма нет статей ни по славянофильству в целом, ни об их наиболее видных представителях [36]. И это несмотря на то, что о соотношении славянофильства и либерализма писали ещё в XIX в. [30]. Славянофилы были категорическими противниками крепостного права, они ратовали за гласность и силу общественного мнения, выдвигали идею Земского собора — своеобразного русского парламента, боролись за индивидуальную свободу, за развитие предпринимательства. Не случайно они поддерживали добрые отношения с русскими купцами, ставшими основой предпринимательского класса России, в которых они видели представителей народа. Статьи о славянофильстве как течении и об отдельных его деятелях, однако, помещены в современной энциклопедии русского консерватизма [6, с. 466–468]², хотя о славянофилах как об откровенных консерваторах можно говорить разве что с 80-х гг. XIX в. Кстати, следует иметь в виду, что, кроме русских славянофилов, были и славянофилы других наций, например французские [9].

В литературе уже подмечено, что вопрос об отношении к зарубежным славянам не являлся главным в наследии славянофилов [10, с. 277]. Их с таким же и даже с большим основанием можно называть русофилами. Конечно, идеи самобытности были в их учении господствующими. Один из главнейших идеологов славянофильства А. С. Хомяков писал: «Время восхищения достижениями западной культуры для России прошло, наступил период критики; русская мысль достаточно созрела для самостоятельного действия, и русское общество должно пересмотреть выводы западной науки, которым оно безусловно верило, дабы не оказаться отсталыми в то время, когда богатство наших данных возлагает на нас обязанность стремиться к первому месту в рядах просвещающегося человечества» [Цит. по: 11, с. 38].

Подобные призывы не означали отказа славянофилов от знакомства с западными достижениями и тем более от поездок за границу, в том числе и в страны Центральной и Западной Европы. Одним из таких славянофилов, которые часто бывали за границей, был А. И. Кошелев. Он происходил из семьи отнюдь не чуждой Западу, более того, кажется даже странным, что в такой семье мог родиться убеждённый славянофил. Отец его обучался в Оксфордском университете, т. е. получил

¹ Из последних работ о славянофилах см.: [39; 40; 33; 21; 20; 19].

² Там же помещены статьи об И. С. Аксакове, К. С. Аксакове, И. В. Киреевском, П. В. Киреевском, А. И. Кошелеве, Ю. Ф. Самарине, А. С. Хомякове, В. А. Черкасском.

образование в Англии, и, поселившись в Москве, даже получил прозвище «либерального лорда». Мать Кошелева вообще не была русской по происхождению. Она была дочерью французского эмигранта, обосновавшегося в России, и изначально носила фамилию Дежарден. И вот такая семья породила одного из виднейших славянофилов.

Сам Кошелев относился к «архивным юношам». Поначалу он поступил на службу в Московский архив Министерства иностранных дел, а в 1826 г. переехал в Петербург и стал там чиновником Департамента иностранных вероисповеданий. В круг его обязанностей, кроме всего прочего, входила подготовка выписок из иностранных газет лично для императора Николая I. Первая его поездка за границу была вызвана обострившейся болезнью. Кошелеву тогда было всего 25 лет. Он служил, но одновременно был активным членом общества. Была такая категория русских людей, находившихся на службе, но больше примыкавших к обществу, чем к власти. К такой категории относился А. С. Пушкин. Таким был и Кошелев, взявший продолжительный отпуск и совершивший своё первое путешествие в 1831 г. Об этом путешествии нам хорошо известно благодаря воспоминаниям самого Кошелева.

Несмотря на болезнь, выехать в то время за границу в связи с революциями 1830 г. было непросто. Лишь благодаря содействию Д. Н. Блудова, лично встретившемуся с императором, было дано соответствующее согласие. При этом Кошелев писал, что он почти обрадовался своей болезни, поскольку получил согласие на заграничное путешествие, ибо о таком мечтал. Отправился он за рубеж на пароходе «Николай I», и первым городом, который он посетил, был Любек. Впечатления от посещения Германии отражают следующие слова молодого русского путешественника: «Мысль, что я нахожусь в стране Канта, Шеллинга, Шиллера и Гете, меня приводила в восторг. Мне все казалось замечательным, разумным, прекрасным. Самый немецкий обед в Травемюнде найден мною отменно вкусным, а гостиница по своим удобствам и чистоте чуть-чуть не баснословною» [15, с. 63–64].

Далее следует посещение Кошелевым Гамбурга, Лейпцига, Дрездена и других городов Германии и впечатления такие же, как от Любека. Лишь Берлин вызвал некоторые диссонансы, по словам самого Кошелева, город произвёл на него неприятное впечатление, и то потому, что напомнил ему Петербург своими правильными и однообразными улицами. Но в том же Берлине Кошелев слушал лекции местных профессоров, и, вообще, как он же сам подчеркнул, в столице Пруссии ему было вовсе не скучно. Он там постарался много посмотреть и послушать.

Дорога его шла на Карлсбад, где он поселился и прожил семь недель, занимаясь лечением. По его словам, лечение оказалось животворным, и перед отъездом оттуда он почувствовал себя почти совершенно здоровым. Ощувив себя таковым, он направляется в Веймар знакомиться там с дочерью Павла I, супругой Карла Фридриха, Саксен-Веймарского герцога, Марией Павловной и Гёте, а уже оттуда путь его шёл во Франкфурт-на-Майне, который был им основательно осмотрен вплоть до его далёких окраин. Там, с сумкой на плечах, он прошёл то по одной, то по другой стороне Рейна. Об этих прогулках он оставил следующие воспоминания: «Это путешествие от Майнца до Кобленца, продолжавшееся семь дней, оставило

мне на всю жизнь самые приятные воспоминания»; «...эта неделя пешего хождения была едва ли не богатейшею в моей жизни по воспоминаниям и наслаждениям» [15, с. 67].

Не правда ли, хорошо для закоренелого славянофила, хотя и будущего? Чуть ли не самое лучшее время своей жизни он, оказывается, провёл в Германии. Ну а далее дорога его шла в Швейцарию, где он встретил большое русское общество. Он упоминает М. А. Нарышкину, бывшую фаворитку Александра I, С. П. Шевырева, С. А. Соболевского, А. Н. Волконского — сына З. Волконской и будущего дипломата. Здесь же, в Женеве, ему довелось прослушать лекции нескольких швейцарских профессоров по разным предметам. Особенно ему запомнились лекции итальянского профессора Росси, читавшего на французском языке. По поводу этих лекций Кошелев писал: «Этот человек развил во мне много новых мыслей и утвердил во мне настоящий либерализм, который к сожалению, у нас редко встречается, ибо в среде наших так называемых либералов по большей части встречаются люди, проникнутые западным доктринерством и руководящиеся чувствами и правилами скорее деспотизма, чем истинного свободолюбия и свободомыслия. Этому доброму на меня влиянию знаменитого Росси я весьма многим обязан по деятельности моей и по делу освобождения наших крепостных людей и по управлению делами в Царстве Польском» [15, с. 68].

Очень не похоже на славянофилов или, точнее, на господствующее о них представление. Он признаётся в приобретении настоящего либерализма именно в Швейцарии, т. е. за границей, причём до такой степени, что это влияние сказалось и на участии его в проведении реформ в самой России, в том числе и самой главной — крестьянской. И это при том, что сами славянофилы не очень-то признавались в своём либерализме. Точнее, очень не любили, когда их называли либералами.

После Швейцарии Кошелев направился во Францию. Поездки русских поданных в Париж были в то время запрещены, но, как чиновник, числившийся на службе в Министерстве иностранных дел, он немедленно явился к послу Ф. Поццо-ди-Борго и заявил о своём заезде в Париж по дороге в Лондон и попросил разрешения остаться в столице Франции на три дня. Русский посол принял Кошелева весьма любезно и разрешил остаться в Париже сколько ему будет угодно. Кошелев пишет, что этому разрешению он очень обрадовался. Встречи с Поццо-ди-Борго были неоднократными, Кошелев пишет о нём как о государственном человеке и противопоставляет его К. В. Нессельроде, ставя его выше тогдашнего министра иностранных дел России.

Кошелев имел рекомендательное письмо Росси к герцогу Л.-В. Брольи — видному французскому политическому деятелю либерального направления, неоднократно занимавшему министерские посты при Луи-Филиппе. С его помощью он вошёл в круг видных французских общественных и политических деятелей либерального толка. Кошелев знакомится с Ф. Гизо, В. Кузеном, А.-Ф. Вильменом, Ж. Мишле, А. Тьером. Будущий видный славянофил по четвергам, имея личное приглашение Брольи, проводит вечера в компании французских либералов с боль-

---

шим желанием: «Эти вечера были для меня так интересны, что я не пропускал из них ни одного и уходил домой одним из последних» [15, с. 69].

Таким образом, пройдя школу либерализма в Швейцарии, Кошелев продолжил обучение в этом духе и во Франции. В его словах звучит восторг по поводу этих французских вечеров, на которых не было дам, но было чрезвычайно интересно. Он повседневно знакомится с Парижем, посещает лекции, театры, бродит по городу и явно сожалеет о непродолжительности своего пребывания в столице Франции. Следующей страной, которую посетил Кошелев, была Англия, где он пробыл один месяц. Как дипломат, Кошелев получил возможность посещать дома высшего английского общества. Он знакомится с Ч. Греем, тогдашним премьером, а также с Г. Пальмерстоном, будущим премьером. Оба они были лидерами партии вигов, т. е. либералов. Следовательно, и в Англии Кошелев больше вращается в кругах либералов, и в этой либеральной направленности не приходится сомневаться, поскольку, по признанию самого Кошелева, Англия особенно интересовала его по своей конституционной жизни, и потому он часто посещал парламент.

И в Англии один из будущих видных славянофилов получает богатую пищу для своих именно либеральных запросов. Действительно, зачем молодому русскому дипломату понадобилось изучение конституционной жизни на родине парламента, если в самой России не только писать, но и говорить о конституции и парламенте было небезопасно? Кошелев побывал в стране Туманного Альбиона, когда была проведена известная парламентская реформа 1832 г., вокруг которой шла долговременная борьба между консерваторами, ей противившимися, и либералами, эту реформу отстаивавшими. Победу одержали либералы, и Кошелев пишет о всеобщей народной радости англичан по этому поводу, явно эту радость разделяя. Интересны и другие наблюдения Кошелева над английской жизнью, а также описание его встреч с русскими людьми, оказавшимися в Лондоне, в частности, его заметки об обеде у М. С. Воронцова, который приехал в Лондон посетить своего отца, постоянно проживавшего в Англии. На обеде присутствовал А. Ф. Орлов, работники посольства Кокошкин, Ломоносов и др. Всего, по сообщению Кошелева, около двадцати человек, все русские. На обеде произошёл конфликт Кошелева с всесильным А. Ф. Орловым, который затем всё-таки удачно закончился. Более того, в конечном итоге наладились добрые отношения Кошелева и будущего главного начальника III отделения.

Из Англии Кошелев направился в Карлсбад, где продолжил своё лечение, и затем вернулся на родину, в Россию. Поездка на лечение стала для Кошелева многомесячным путешествием, в процессе которого он основательно ознакомился с разными странами, заметно проявляя при этом свои либеральные устремления. Судя по его запискам, никаких антизападных настроений у него не возникло, более того, на первый взгляд даже кажется весьма странным, как человек, проявлявший такой интерес к парламентам, конституциям, прошедший школу профессора России, мог стать славянофилом. Но это только на первый, весьма поверхностный взгляд, ибо далеко не у всех славянофилов их идея самобытного пути развития сочеталась с антизападными настроениями, и пример Кошелева тому убедительное доказатель-

ство. Какой-либо мысли остаться за границей или, более того, перейти на положение политического эмигранта у молодого русского путешественника не было и быть не могло. В связи с серьёзной болезнью матери он поторопился возвратиться в Москву, пробыв, таким образом, за границей более года.

Следующая поездка Кошелева за рубеж состоялась в 1839 г. К этому времени размежевание между западниками и славянофилами уже завершилось. Славянофильство сам Кошелев называет русским направлением. Любопытно, что Кошелев поначалу пишет о себе и Киреевском (видимо, Иване) и многих других как о западниках. К числу славянофилов он причислял поначалу одного Хомякова [15, с. 78]. Очень знаменательное признание. Значит, после своего первого путешествия за границу Кошелев всё-таки вернулся западником, и посему никаких антизападных настроений в то время искать у него не приходится. Следующие два выезда за рубеж следуют в связи с болезнью супруги Кошелева. Она пробыла за границей полтора года, и Кошелев то приезжал к ней, то снова возвращался в Россию. Лечилась она в Эмсе, потом в Баден-Бадене и таким образом Кошелев побывал за границей в 1839 и в 1840 гг. Лечение вновь сопровождалось путешествием, новым посещением Парижа, где они провели всю весну 1840 г. и где жену исцелила одна местная ясновидящая, женщина, пользовавшаяся огромной славой.

На сей раз никаких особых сведений о заграничной жизни Кошелев не сообщает. Всё внимание было обращено на болезнь жены, но всё-таки в Париже он находился три месяца, какие-то встречи, кроме медиков, должны были иметь место, но о них не сообщается ни слова. Далее поездка в Швейцарию, опять-таки для укрепления здоровья жены, и снова никаких подробностей о зарубежных встречах и впечатлениях. Это ещё время, когда только наращивается размежевание между западниками и славянофилами и за границей находится как бы переходный русский общественный тип. Совсем другое дело поездка Кошелева за рубеж в 1849 г. В этом году за границу отправился уже сформировавшийся славянофил. В связи с революцией в Европе в то время заграничных паспортов почти никому не выдавали. Кошелеву помог А. Ф. Орлов, лично переговоривший с императором.

Вновь причиной поездки была тяжёлая болезнь жены, но за пределы России они выезжают вместе с детьми и, как писал мемуарист, вместе с находившимися при нём лицами. Кошелев был убеждённым противником крепостного права, но в кружке славянофилов занимал всё-таки умеренные позиции. Однако, попав в Париж, он встречается с А. Мицкевичем, с которым имел основательную беседу о взаимоотношениях России и Польши, о судьбах славянства и т.д. Прославянские интересы Кошелева уже чётко определились, и в столице Франции он вместе с выдающимся польским поэтом, человеком явно леворадикальных взглядов, во многом находит общий язык. Затем последовали новые поездки за рубеж. Одна из них, в Баден-Баден, в начале 1851 г. опять была вызвана болезнью жены, а другая в том же году была связана с посещением всемирной выставки в Лондоне. Эту поездку он совершил через Германию и Кале, и результатом её стала специальная статья Кошелева под названием «Поездка русского земледельца в Англию и на Всемирную выставку», вышедшая в Москве в 1852 г. Статья была результатом двухмесячного

пребывания Кошелева в Англии и отражает его большой интерес к развитию сельского хозяйства этой страны. Им были описаны экспонаты выставки, особенно сельскохозяйственные орудия, и даже даны некоторые зарисовки. Статья, изданная в форме брошюры, вызвала интерес и тогда, когда она появилась, и впоследствии, в том числе и среди историков-исследователей. К ней проявляют интерес и отечественные специалисты по истории Англии [13, с. 46, 182], и те, кто изучает историю модернизации российского аграрного сектора [24, с. 448], и, естественно, исследователи, специально изучавшие историю этой выставки [16, с. 182].

Это была первая в истории Всемирная выставка, и из России на неё устремился не один Кошелев, хозяйствующий помещик, будущий президент Московского общества сельского хозяйства. Он был уже человеком со сформировавшимися славянофильскими взглядами, и интересны его оценки не только выставки в целом, но и роли на ней разных стран. Он не только высоко оценивает большой вклад англичан в развитие техники, но и даёт англичанам весьма положительную характеристику как людям. «Во всякой безделице, — пишет он, — англичане практичны» [27, с. 16]. Он даже делает больше замечаний в адрес России, отдел которой на выставке отличался прежде всего экспонатами по сельскому хозяйству, а также предметами роскоши. «Мы, — подчёркивал он, — блеснули по части роскоши и как будто совестились показать наш настоящий всенедневный быт» [27, с. 19].

Пожалуй, из всех славянофилов Кошелев чаще других бывал за рубежом и многое там повидал. В 1857 г. он совершит новую поездку за рубеж, посетив славянские земли Австрийской империи и наладив контакты со славянскими литераторами и учёными в Праге и Вене. Вообще, жизнь и деятельность Кошелева хорошо изучена, как и его зарубежные поездки, но он был далеко не единственным славянофилом, побывавшим за рубежом [25]. Неоднократно бывал за границей и А. С. Хомяков, роль которого в зарождении славянофильства была особо значительной, что нашло отражение в ряде работ, ему специально посвящённых [14, т. 1; 45; 3; 50].

Хомяков начал свои зарубежные путешествия раньше, чем Кошелев. Он путешествовал по Западной и Южной Европе, бывал в Париже и Лондоне, через Италию направлялся к южным славянам ещё в 1826 г. Во время Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. побывал в Дунайских княжествах и Болгарии. Затем, уже в конце 40-х гг., предприняв новое путешествие, посетил Прагу, близко сошёлся там с деятелями чешской культуры, особенно с Вацлавом Ганкой — выдающимся деятелем чешского возрождения, пользовавшимся большим авторитетом в России и в других славянских странах. Славянские связи Хомякова хорошо известны, в отличие от впечатлений Хомякова от поездки по неславянским землям Европы. Хомяков является автором примечательного «Письма об Англии», интересного во многих отношениях. В этом письме человека, неоднократно отмечавшего некоторые негативные, на его взгляд, моменты в жизни Запада, нет никакого недоброжелательства к английскому народу. Интересно описание им воскресного дня в Лондоне, сделанное с неподдельным восхищением. Его до глубины души тронула тишина, наступающая в этот день в столице Англии, тишина, которую он назвал величественной,

подчинённой «одной высокой мысли»: «Мне было отрадно, — пишет один из создателей славянофильства, — это видеть, мне было весело за нравственность воли народной, за благородство души человеческой» [44, т. 1, с. 109].

Таковы выводы Хомякова на основании одного только обычая, столь ему запомнившегося. При этом Хомяков стремится разобраться в социальных и политических процессах в этой стране и делает определённые выводы, с которыми можно не согласиться, но которые отражают его мнение того времени. Он считает, что в Англии имеет место духовный упадок, и видит его причину в религиозных раздорах, охвативших английское общество. Он явно не разделяет торжество протестантства, считая его рассудочным, критичным, даже безжизненным, подобным протестантству германскому. Он считает вигизм, т. е. либерализм, той силой, которая несёт распад Англии, поскольку он способствует одностороннему развитию личного ума, отрешающегося от исторической жизни общества, от предания. Это, по его мнению, западный дух, характерный не только для самой Англии, но и для других стран, где господствует вигизм [44, т. 1, с. 155].

Но, несмотря на подобного рода наблюдения, благожелательное отношение Хомякова к Англии и английскому народу не подлежит никакому сомнению. Самые хорошие впечатления остались у Хомякова о Лондоне; сравнивая его с другими городами, он пишет: «Все они ничто перед Лондоном, потому что все они кажутся только слабым подражанием Лондону. Кто видел Лондон, тому в Европе из живых городов (об мертвых я не говорю) остается только видеть Москву» [43, с. 217]. Не случайно в этой связи один из виднейших отечественных англоведов Н. А. Ерофеев относит Хомякова к числу убеждённых англофилов [13, с. 297]. Интересно сочетание славянофил-англофил. Но такое сочетание отнюдь не столь парадоксально, как это кажется на первый взгляд. И не только потому, что в славянофильстве изначально имелись заметные консервативные элементы, а Англия — страна долговременных традиций, столетиями сохранявшихся и в политической, и в общественной жизни. Хомякову принадлежат следующие слова, на которые уже обратили внимание и в современной литературе: «Англия верна старине, и в этом-то ее умственная сила» [3, с. 191]. Вот так-то. Сила Англии — в приверженности традиции, сила умственная. Как правоверному славянофилу не уважать такую страну?

Другое дело позиция Хомякова накануне Крымской войны, когда его патриотизм получил свой выход не только в призывах защиты Отечества, но и в критической направленности против будущих союзников, соединёнными силами выступивших против России. Тому же Хомякову принадлежат слова о том, что Англия «добивается, как кажется, первенства в бесчестии» [44, т. 3, с. 185]. Но эти слова будут сказаны в более позднее время и в связи с известными обстоятельствами приближавшейся войны.

За границей побывал также и ряд других славянофилов. В январе 1830 г. по совету врачей за рубеж отправляется И. В. Киреевский, который впоследствии вспоминал, что за границу он отправился не для того, чтобы учиться, хотя прежде у него была такая задумка, а для того, чтобы развеяться. Пробыл он за границей менее года, вскоре соединившись там со своим братом Петром. Оба они всё-таки слу-

---

шали лекции немецких профессоров в Берлине и Мюнхене, лично контактировали с Г. Гегелем и Ф. Шеллингом, с учениями которых они были знакомы ещё в России. Заграничные впечатления братьев Киреевских были заметно слабее, чем у двух уже упоминавшихся славянофилов. Иван Киреевский даёт немцам самую негативную характеристику, и при всем желании его и брата увеличить круг познаний нельзя сказать, что они заметно расширили свой кругозор. Но по возвращении в Россию И. Киреевский стал издавать журнал «Европеец», который нельзя назвать антиевропейским и главная задача которого заключалась в разработке вопроса об отношении русского просвещения к европейскому [37, с. 52]. Более того, Киреевский ратует за освоение западного просвещения, и благодаря этому просвещению он намеревается поставить Россию впереди всего человечества [22]. Поначалу Киреевских даже воспринимали как западников, во всяком случае как сторонников Запада. Это, конечно, было ошибочное представление об истинных намерениях двух братьев, но при всём критическом отношении к западным порядкам ни о каком антизападничестве братьев Киреевских говорить не приходится [31; 5; 47; 51].

Предпринимали путешествия за рубежом и такие столпы славянофильства, как братья Аксаковы. К. С. Аксаков, уже получивший образование в Московском университете, в 1838 г. выезжает в Германию и Швейцарию, стремясь основательно познакомиться с бытом и общественной жизнью народов этих двух стран. Но удалось ему удержаться за границей менее полугода. Первоначально он собирался прожить за границей большее время, но он вернулся на родину раньше намеченного срока просто потому, что не умел преодолевать жизненные неурядицы. Он почувствовал себя инородным телом в зарубежной среде не потому, что испытывал какое-то недоброжелательство к другим странам, даже наоборот, он хотел с ними основательно ознакомиться, а потому, что испытывал тягу к своему дому. Его относительно быстрый возврат назад, в Россию, объяснялся чисто психологическими факторами, его ощущением себя как инородного тела, не способного решать каждодневные задачи мелочей жизни.

К. Аксаков, однако, оставался большим поклонником немецкой философии, прежде всего философии Гегеля. Считая, что история России принципиально отлична от истории стран зарубежной Европы, прежде всего западной, он с пониманием относился к историческому процессу, характерному для других стран. Но он был против насильственного насаждения в России западных образцов, и отсюда его упрёк Петру I за насилие над русской жизнью. Зарубежное путешествие К. Аксакова как-то не оказало заметного воздействия на его взгляды, но говорить о полном незнании этим видным славянофилом западной жизни, конечно, не приходится. Он, конечно, славянофил в полном смысле этого слова, он отстаивает теорию особого пути развития России и других славянских стран, в отличие от Западной Европы, выделяя прежде всего существенные отличия славянства от России в наличии у них общины и православия. Хотя, собственно, не все славяне к тому времени сохранили общину, и не все исповедовали православие [26].

Родной, младший брат К. Аксакова — И. С. Аксаков — осуществит свои зарубежные путешествия уже значительно позднее. Если К. Аксаков выезжал за

рубеж для ознакомления с Западной Европой, то И. С. Аксаков направился за границу для предметного ознакомления с жизнью славянских народов. Произошло это весной и летом 1860 г., но посетил он тогда не только славянские земли. Он проехал по многим территориям Австрийской империи, в частности, побывал в Вене, где большую помощь ему оказал М. Ф. Раевский. Эта поездка И. Аксакова имела в его деятельности заметное значение и получила специальное отражение в литературе [48, с. 146–153].

Довольно долгое время провёл за рубежом деятель славянофильского направления Ф. И. Чижов. Математик по первоначальному образованию, он вскоре увлекается литературой, близко знакомится с Н. В. Гоголем, с которым будет поддерживать отношения долгие годы. В 1839 г. Чижов издаёт перевод «Истории европейской литературы XV–XVI ст.» Г. Галлама, а затем предпринимает заграничное путешествие, имея основной задачей изучение зарубежного искусства и литературы. Он проехал через Германию, Италию, Францию, Швейцарию, Англию, Бельгию, Венгрию, Чехию, обычно долго останавливаясь в той или иной стране. Никакими особыми славянскими интересами он поначалу пропитан не был. И, как свидетельствуют исследователи его жизни и творчества, лишь после того как он в Праге познакомился с В. Ганкой, заметно усиливается его внимание к славянству. Следующее его путешествие в 1843–1845 гг. имело своей задачей изучение жизни славянских народов, их языка, литературы, обычаев. Во время этого путешествия он побывал в Сербии, Черногории, Истрии, Далмации. Возвратившись в Россию в 1845 г., он вскоре опять отправляется за рубеж и вновь предпринимает путешествие именно по славянским странам, собирая материал о жизни славян. Вернулся он в Россию в 1847 г., накопив значительные впечатления и сделав интереснейшие записи своих путешествий. Его дневник с заметками представляет большой интерес для исследователей, поскольку содержит сведения о местах, им посещённых.

Чижов, как и многие другие славянофилы, отнюдь не с начала своей сознательной деятельности обратился к жизни славян. На формирование его интереса к этой проблеме оказали влияние, наряду с упоминавшимся В. Ганкой, как отечественные, так и зарубежные учёные и литераторы. Особенно заметно влияние А. С. Хомякова, но также братьев Киреевских и братьев Аксаковых, а из зарубежных славян — Л. Штура, Я. Коллара и др. Был он связан и с А. Мицкевичем [1; 29]. Чижов был убеждённым славянофилом, разделял основные положения славянофильской доктрины. Но при этом не следует забывать, что каждый из славянофилов был личностью, богато одарённой, поэтому полного единства взглядов в их среде не было и быть не могло. Существовала также определённая прослойка славянофилов, которые в первую очередь были учёными-славистами, а затем уже славянофилами как таковыми.

К категории такого рода славянофилов или, точнее, им сочувствующих относился видный славист И. И. Срезневский. Он работал в Харьковском университете на кафедре политической экономии и статистики, вёл курс по теории статистики, занимался статистикой России, проявлял интерес к украинской старине. В 1838 г. он представил свою новую диссертацию по проблемам статистики и политической

экономии, но не получил согласия факультета на её защиту. Под влиянием этого события, а также давних интересов к славянскому прошлому он меняет тематику своих исследований и предпринимает длительную поездку по славянским землям. За рубежом он пробыл три года, с 1839 по 1842 гг. [34], но, что примечательно, начал он своё путешествие с Берлина, где в течение двух месяцев прослушал лекции по санскриту и сравнительной грамматике Франца Боппа, который считался основателем сравнительного языкознания.

В Праге Срезневский пробыл значительно дольше, обучаясь под руководством П.-Й. Шафарика основам славяноведения. Здесь же он изучал чешский язык. Далее следуют его многочисленные пешеходные походы по различным славянским землям. Он изучает язык, обычаи, историю чехов, лужицких сербов, поляков, путешествует по Далмации, Словении, Сербии, Черногории, Словакии, Галиции, собирает большой источниковый материал. В Словении он, например, записал предание о пребывании в этих местах русских во время похода Суворова, говоривших на языке, весьма понятном местным жителям [42, с. 4–10]. Но побывал Срезневский не только на землях славян. Большое значение имело для него, наряду с посещением Берлина, посещение Вены. По возвращении в Россию он первоначально работает в Харькове, а затем, став первым в России доктором славяно-русской филологии, переезжает в Петербург, где преподавал в Петербургском университете с 1847 г.

Организационно Срезневский поначалу не был связан со славянофилами. Но он близок к ним по своим идейно-политическим взглядам, будучи поначалу умеренным либералом, проявлявшим большой интерес к жизни простого народа, причём не только к его обычаям, но и к его нуждам. Впоследствии он налаживает и непосредственные связи с отдельными славянофилами [32].

К славянофильскому активу может быть отнесён и другой видный русский славист — В. И. Григорович, как и Срезневский, выпускник Харьковского университета, продолживший затем образование в Дерптском университете. Он тоже предпринимает трёхлетнее путешествие по славянским землям, знакомится в 1844–1847 гг. с жизнью южных и западных славян. Ему удалось побывать в Греции и Турции, в частности, в Солуни, Афоне, Стамбуле, объехать Болгарию и Македонию, Сербию и Хорватию, Черногорию, Чехию и Словакию. Как и Срезневский, Григорович собрал значительный источниковый материал, в том числе и древние рукописи. В Праге Григорович провёл почти полгода и наладил сотрудничество с Шафариком и другими чешскими учёными и литераторами.

В эту поездку Григорович посетил не только славянские районы, он побывал в Вене, Венеции, Венгрии и Дунайских княжествах. По возвращении в «Учёных записках Казанского университета» он в 1848 г. публикует часть своих наблюдений в работе под названием «Очерк учёного путешествия по Европейской Турции». С 1838 г. Григорович был заведующим кафедрой истории и литературы славянских наречий в Казанском университете. Впоследствии после открытия Одесского университета он станет заведовать там кафедрой славяноведения. Известны его лекционные курсы, которые он читал и в Московском университете в 1849–1850 гг., когда он смог ближе сойтись с некоторыми славянофилами [41].

Среди профессиональных славистов были такие, кто к славянофилам был значительно ближе, чем Срезневский и Григорович. Из них заграничные путешествия осуществили В. А. Панов, совершивший поездку по землям южных и западных славян в 1842 г., а также А. Н. Попов, поехавший сначала в Берлин, где слушал лекции по философии, а затем побывавший в Черногории, и др. Выезжал в заграничные путешествия и Д. А. Валуев, видный историк и литератор. Валуев был славянофилом в полном смысле этого слова, входя в славянофильский московский кружок, его связывали близкие отношения с братьями Киреевскими, братьями Аксаковыми, Хомяковым и Самариным. Летом 1843 г. он выехал за границу для поправки здоровья, но осуществил также путешествие по славянским землям, собрав значительные сведения по истории и литературе южных и западных славян. Он побывал и в других странах, получил возможность поработать в Британском музее, занимался переводами Ч. Диккенса, интересовался Германией и Ирландией, о чём имел соответствующие публикации.

Д. А. Валуев очень рано ушёл из жизни, прожив всего 25 лет, но оставил заметное литературное наследие; будучи славянофилом, глубоко убеждённым в том, что только русский народ в наибольшей степени выражает христианские начала и должен освободиться от влияния Запада, он с вниманием изучал западную историю и литературу, не высказывая к ним никакого пренебрежения, даже наоборот, относясь к ним с уважением [44, т. 3].

К убеждённым славянофилам относился выпускник Московского университета, брат Киреевских по их матери А. П. Елагиной В. А. Елагин. В конце 1842 г. он отправился за границу, посетил лекции в Берлинском и Пражском университетах и особенно увлёкся историей средневековой Чехии, выступив с теорией непрерывности православия в этой стране после деятельности там Кирилла и Мефодия. Он побывал также в Черногории, где близко сошёлся с Ф. В. Чижовым [4; 28, с. 84–86]. Ещё один член кружка Елагиных, тоже славянофил, М. А. Стахович, уже окончивший Московский университет, в мае 1843 г. выехал в Берлин, где пробыл до января 1844 г. Стахович станет известен как собиратель народных песен и как член молодой редакции «Москвитянина» [2, с. 336].

Близким к славянофилам был Д. М. Княжевич, сын выходца из Сербии, многие годы связанный с С. Т. Аксаковым. Княжевич путешествовал по различным странам Европы, но проявлял заметный интерес к славянству. Он поддерживал контакты с В. Ганкой, В. С. Караджичем, а побывав в Риме, сблизился с Н. В. Гоголем [38, т. 2, с. 567]. Нельзя не отметить интереса к славянству и несомненного влияния на него славянофильской идеологии неумолимого путешественника Е. П. Ковалевского, автора книги о поездке в Черногорию [23]. Выезжала за границу и известная переводчица, писательница и публицистка Е. В. Кологривова. Впоследствии она вообще осядет в Париже, где и скончается. В 1840-х гг. в Петербурге Кологривова принимала деятельное участие в литературной жизни. Ею был организован литературный салон славянофильской ориентации [38, т. 3, с. 23–24].

Вообще трудно найти славянофила, а также представителей славянофильского актива, которые бы не побывали за границей. Некоторые выезжали туда в

первой половине века, другие осуществляли такие поездки несколько позднее. Так, член славянофильского кружка В. А. Черкасский поедет за границу уже во второй половине 1850-х гг., посетив Центральную, Южную и Западную Европу. Там он, кстати, встретится с великой княгиней Еленой Павловной, с которой будет сотрудничать на ниве проведения реформы 1861 г. Прекрасно владея основными европейскими языками, он становится по приезду политическим обозревателем, готовя для славянофильских изданий специальные статьи о международном положении в целом и о западной литературе. Им готовилась также статья, которую он так и не успел завершить под названием «О православной церкви в Австрии и Турции» [8, с. 168–173].

В целом, можно с полным основанием сказать, что славянофилы хорошо знали зарубежную Европу, причём не только славянские земли, но и Запад. Знали они его достаточно хорошо, и это знакомство не давало аргументов для отказа от своих постулатов. Проблемы перехода тех или иных славянофилов на положение эмигрантов не существовало и не могло существовать, поскольку это категорически противоречило их воззрениям. И это несмотря на определённую политическую оппозиционность славянофилов, несмотря на то, что некоторые из них подвергались преследованиям со стороны официальных властей и даже арестовывались. В этой связи Кошелев был вынужден сделать следующее признание: «Нас, так называемых славянофилов, страшились в Петербурге, т. е. в администрации, пуще огня. Там считали нас не красными, а пунцовыми, не преобразователями, а разрушителями, не людьми, а какими-то хищными зверями» [15, с. 97]. Конечно, в этих словах немало преувеличений, но в верхах их знали прежде всего как представителей всё-таки неофициального курса. И тем не менее эти оппозиционеры вопроса об эмиграции даже не ставили.

Устремлялись за границу и идейные антиподы славянофилов, так называемые западники [7, с. 157–168]. Как уже отмечалось, и те, и другие проповедовали разные формы российского либерализма, но споры их между собой о последующих судьбах России были чрезвычайно острыми, и поездки за границу в этих спорах постоянно использовались для укрепления собственной аргументации. Западники не проявляли такого интереса к славянским землям, как славянофилы, хотя нельзя их называть славянофобами. Судьбы славянского мира им тоже не были безразличными, но, в соответствии с их концепцией, особый интерес они проявляли к Центральной и Западной Европе, где уже существовали политические институты и социальные отношения, им столь импониовавшие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Аксаков И. С.* Федор Васильевич Чижов. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К^о, 1893. 16 с.
- 2 *Андреев А. Ю.* Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. М.: Знак, 2005. 432 с.
- 3 *Благова Т. И.* Родоначальники славянофильства: Алексей Хомяков и Иван Киреевский. М.: Высшая школа, 1995. 352 с.

- 4 *Бочкарев В. М.* Из истории общественных настроений в России в середине XIX в. (по семейной переписке Елагиных) // Учёные записки Института истории РАН ИОН. М., 1929. Т. 5.
- 5 *Виноградов П. И.* И. В. Киреевский и начало московского славянофильства // Вопросы философии и психологии. СПб., 1892. Кн. 11. С. 98–126.
- 6 *Воронин И. А.* Славянофильство // Русский консерватизм середины XVIII – начала XIX века. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. С. 46–468.
- 7 *Гросул В. Я.* Заграничные путешествия русских западников // Мир глазами историка: Памяти академика Юрия Александровича Полякова. М.: ИРИ РАН, 2014. С. 157–168.
- 8 *Гросул В. Я.* Владимир Александрович Черкасский // Российские либералы. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. С. 168–173.
- 9 *Данилова О. С.* Французское «славянофильство» конца XIX – начала XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005. 26 с.
- 10 *Дудзинская Е. А.* Русские славянофилы и зарубежное славянство // Методологические проблемы истории славистики. М.: Наука, 1978. С. 261–282.
- 11 *Дудзинская Е. А.* Славянофилы в общественной борьбе. М.: Мысль, 1983. 271 с.
- 12 *Дудзинская Е. А.* Славянофилы в пореформенной России. М.: Наука, 1994. 277 с.
- 13 *Ерофеев Н. А.* Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг. М.: Наука, 1982. 320 с.
- 14 *Завитневич В. З.* Алексей Степанович Хомяков. Киев: Тип. АО «Пётр Барский в Киеве», 1913. Т. 1–2.
- 15 Записки Александра Ивановича Кошелева. М.: Наука, 2002. 492 с.
- 16 *Зарецкая Д. М.* Россия на Всемирной выставке 1851 года // Вопросы истории. 1986. № 7. С. 180–185.
- 17 *Зеньковский В.* Русские мыслители и Европа. Критика европейской культуры у русских мыслителей. 2-е изд. Париж: YMCA-PRESS, 1955. 290 с.
- 18 *Иосифова П. С.* Юрий Самарин в общественной жизни России: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. 23 с.
- 19 *Каменский З. А.* Философия славянофилов: Иван Киреевский и Алексей Хомяков. СПб.: РХГИ, 2003. 536 с.
- 20 *Каплин А. Д.* Из истории русской религиозной мысли XIX в. Славянофильская идея исторического развития России. Харьков: «РА-Каравелла», 2000. 308 с.
- 21 *Каплин А. Д.* Славянофилы: их сподвижники и последователи. М.: Ин-т русской цивилизации, 2011. 624 с.
- 22 *Киреевский И. В.* Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979. 439 с.
- 23 *Ковалевский Е.* Четыре месяца в Черногории. СПб.: Тип. А. А. Плюшара, 1841. 453 с.
- 24 *Козлов С. А.* Аграрные традиции и новации в дореформенной России (центрально-нечерноземные губернии). М.: РОССПЕН, 2002. 557 с.
- 25 *Колупанов Н. П.* Биография Александра Ивановича Кошелева. М.: Тип. О. Ф. Кошелевой, 1889–1892. Т. 1–2.
- 26 *Костомаров Н. И.* О значении критических трудов К. Аксакова по русской истории. СПб.: Тип. Николая Тиблена и К°, 1861. 32 с.
- 27 *Кошелев А. И.* Поездка русского землевладельца в Англию на всемирную выставку. М.: Тип. Ал. Семена, 1852.

- 28 *Лантеева Л. П.* Славяноведение в Московском университете в XIX – начале XX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. 292 с.
- 29 *Либерман А. А.* Краткая биография Федора Васильевича Чижова // Сборник в память столетия со дня рождения Федора Васильевича Чижова. Кострома, 1911.
- 30 *Линицкий П. И.* Славянофилы и либерализм: Опыт систематического обозрения того и другого. Киев: Тип. Г. Т. Корчак-Ковицкого, 1882. 255 с.
- 31 *Лясковский В.* Братья Киреевские. Жизнь и труды их. СПб.: Тип. В. С. Балашев и Ко, 1899. 99 с.
- 32 Материалы для биографии И. И. Срезневского // Памяти Измаила Ивановича Срезневского. Пг.: Тип. Императорской Академии наук, 1916. Кн. 1.
- 33 *Пирожкова Т. Ф.* Славянофильская журналистика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. 221 с.
- 34 Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель, 1839–1842. СПб.: Тип. С. Н. Худякова, 1895. 374 с.
- 35 Ранние славянофилы. А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. и И. С. Аксаковы / сост. Н. Л. Бродский. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1910. 206 с.
- 36 Российский либерализм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2010. 1088 с.
- 37 *Рудницкая Е. Л.* Лики русской интеллигенции. М.: Канон+, 2007. 623 с.
- 38 Русские писатели 1800–1917. М.: Большая советская энциклопедия, 1992. Т. 2. 640 с. Т. 3. 614 с.
- 39 Славянофильство и западничество: консервативная и либеральная утопия в работах Анджея Валицкого. М.: ИНИОН, 1991–1992. Вып. 1–2. 191+214 с.
- 40 Славянофильство и современность. СПб.: Наука, 1994. 259 с.
- 41 *Срезневский И. И.* На память о Бодянском, Григоровиче и Прейсе, первых преподавателях славянской филологии. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1878. 45 с.
- 42 *Срезневский И. И.* Фриульские славяне. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1878. с.
- 43 *Хомяков А. С.* Письмо об Англии // «Я берег покидал туманный Альбиона...» Русские писатели об Англии 1646–1945 / сост. О. А. Казнина, А. Н. Николокин. М.: РОССПЭН, 2001. С. 215–238.
- 44 *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч.: в 8 т. М.: Университетская тип., 1900–1904.
- 45 *Хомяков А. С.* Стихотворения / вступ. ст. и примеч. В. А. Францева. Прага: Слав. Ин-т; Орбис, 1934. 163 с.
- 46 *Цимбаев Н. И.* И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. 264 с.
- 47 *Цимбаев Н. И.* Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX в. М.: Изд-во МГУ, 1986. 269 с.
- 48 *Чуркина И. В.* Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия. М.: Наука, 1978. 390 с.
- 49 *Шевырев С.* Биография Д. А. Валуева. М., 1846.
- 50 *Christoff P. K.* An introduction to nineteenth-century Russian slavophilism. A study in ideas. Gravenhage, 1961. Vol. 1: A. E. Homjakov.
- 51 *Walicki A.* Rosyjskie slowianofilstwo a filozofia heglowska. Warszawa, 1962.

Grosul Vladislav Iakimovich,
DSc in History, Chief Research Fellow,
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences,
D. Ulianov str. 19, 117036 Moscow, Russian Federation
E-mail: grosulvi@yandex.ru

RUSSIAN SLAVOPHILES ABROAD IN 30–40-ies OF XIX CENTURY

Abstract: The article raises the question of the role of foreign trips of Russian Slavophiles in the development of their social and political views. The author considers Slavophilism as a form of Russian liberalism, as they were opposed to serfdom, fought for openness and the power of public opinion, put forward the idea of Zemsky Sobor (The Assembly of the land) — a kind of Russian parliament, called for individual freedom and for the development of entrepreneurship. The reason for the development of their concept of distinctive Russian way was not the absence of knowledge about Western Europe, but the good knowledge of it. The article examines in detail the notes of about two dozen Slavophiles and their supporters, which were made while traveling through foreign countries of Europe. These notes show peculiar political liberalism of Slavophiles, especially of A. I. Koshelev, A. S. Khomyakov, Kireevskys brothers and others. Nevertheless, the Slavophiles advocated the idea of a special Russian way, and called for Slavic reciprocity, spirituality and soulfulness.

Keywords: Slavophiles, Westerners, liberals, conservatives, the idea of originality, Slavic reciprocity, travel, A. I. Koshelev, A. S. Khomyakov, Kireevskys brothers, Aksakovs brothers, European countries, Russian Anglomaniacs, farming, agriculture, traditionalism, education, Slavic scholars.

REFERENCES

- 1 Aksakov I. S. *Fedor Vasil'evich Chizhov* [Fedor Vasilievich Chizhov]. Moscow, Tip. A. I. Mamontova i K^o Publ., 1893. 16 p.
- 2 Andreev A. Iu. *Russkie studenty v nemetskikh universitetakh XVIII – pervoi poloviny XIX veka* [Russian students in German Universities in the XVIII-the first half of XIX century]. Moscow, Znak Publ., 2005. 432 p.
- 3 Blagova T. I. *Rodonachal'niki slavianofil'stva: Aleksei Khomiakov i Ivan Kireevskii* [Founders of Slavophilism: Alexey Khomiakov and Ivan Kireevsky]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1995. 352 p.
- 4 Bochkarev V. M. Iz istorii obshchestvennykh nastroyenii v Rossii v seredine XIX v. (po semeinoi perepiske Elaginykh) [From the history of public mood in Russia in the middle of XIX century]. *Uchenye zapiski Instituta istorii RANION* [Research papers of the Institute of History of RANION], Moscow, 1929. Vol. 5.
- 5 Vinogradov P. I. I. V. Kireevskii i nachalo moskovskogo slavianofil'stva [Kireevsky and the beginning of Moscow Slavophilism]. *Voprosy filosofii i psikhologii* [Philosophy and Psychology Issues]. St. Petersburg, 1892, book 11, pp. 98–126.

- 6 Voronin I. A. Slavianofil'stvo [Slavophilism]. *Russkii konservatizm serediny XVIII – nachala XIX veka* [Russian conservatism in the middle of the XVIII – the beginning of XIX century]. Moscow, Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia, 2010, pp. 46–468.
- 7 Grosul V. Ia. Zagranichnye puteshestviia russkikh zapadnikov [Foreign trips of Russian Westernizers. *Mir glazami istorika: Pamiati akademika Iurii Aleksandrovicha Poliakova* [The world through the eyes of a historian]. Moscow, IRI RAN Publ., 2014, pp. 157–168.
- 8 Grosul V. Ia. Vladimir Aleksandrovich Cherkasskii [Vladimir Alexandrovich Cherkassky]. *Rossiiskie liberaly* [Russian liberals]. Moscow, Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia Publ., 2001, pp. 168–173.
- 9 Danilova O. S. *Frantsuzskoe «slavianofil'stvo» kontsa XIX – nachala XX veka: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [French “Slavophilism” of the end of the XIX – beginning of the XX century: diss. abstract for the PhD in History]. Ekaterinburg, 2005. 26 p.
- 10 Dudzinskaia E. A. Russkie slavianofily i zarubezhnoe slavianstvo [Russian Slavophiles and Foreign Slavs]. *Metodologicheskie problemy istorii slavistiki* [Methodological Problems of the History of Slavic studies]. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 261–282.
- 11 Dudzinskaia E. A. *Slavianofily v obshchestvennoi bor'be* [Slavophiles and Social struggle]. Moscow, Mysl' Publ., 1983. 271 p.
- 12 Dudzinskaia E. A. *Slavianofily v poreformennoi Rossii* [Slavophiles in post-reform Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1994. 277 p.
- 13 Erofeev N. A. *Tumannyi Al'bion. Angliia i anglichane glazami russkikh. 1825–1853 gg.* [The Foggy Albion: England and Englishmen through the Eyes of Russians. 1825–1853]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 320 p.
- 14 Zavitnevich V. Z. *Aleksei Stepanovich Khomiakov* [Alexey Stepanovich Khomiakov]. Kiev, Tip. AO «Petr Barskii v Kieve» Publ., 1913. Vol. 1–2.
- 15 *Zapiski Aleksandra Ivanovicha Kosheleva* [Memoirs of Alexander Ivanovich Koshelev]. Moscow, Nauka Publ., 2002. 492 p.
- 16 Zaretskaia D. M. Rossiia na Vsemirnoi vystavke 1851 goda [Russia in the 1851 World Exhibition]. *Voprosy istorii* [History Issues], 1986, no 7, pp. 180–185.
- 17 Zen'kovskii V. *Russkie mysliteli i Evropa. Kritika evropeiskoi kul'tury u russkikh myslitelei* [Russian Thinkers in Europe]. 2-e izd. Parizh, YMCA-PRESS Publ., 1955. 290 p.
- 18 Iosifova P. S. *Iurii Samarin v obshchestvennoi zhizni Rossii: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Yury Samarin in the social life of Russia: diss. abstract ... for PhD in History]. Moscow, 1992. 23 p.
- 19 Kamenskii Z. A. *Filosofia slavianofilov: Ivan Kireevskii i Aleksei Khomiakov* [Philosophy of Slavophiles: Ivan Kireevsky and Alexey Khomiakov]. St. Petersburg, RKhGI Publ., 2003. 536 p.
- 20 Kaplin A. D. *Iz istorii russkoi religioznoi mysli XIX v. Slavianofil'skaia ideia istoricheskogo razvitiia Rossii* [From the history of religious thought of XIX century. Slavophilic idea of Russian historic development]. Khar'kov, «RA-Karavella» Publ., 2000. 308 p.
- 21 Kaplin A. D. *Slavianofily: ikh spodvizhniki i posledovateli* [Slavophiles: their companions and followers]. Moscow, In-t russkoi tsivilizatsii Publ., 2011. 624 p.
- 22 Kireevskii I. V. *Kritika i estetika* [Criticism and aesthetics]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 439 p.
- 23 Kovalevskii E. *Chetyre mesiatsa v Chernogorii* [Four months in Montenegro]. St. Petersburg, Tip. A. A. Pliushara Publ., 1841. 453 p.

-
- 24 Kozlov S. A. *Agrarnye traditsii i novatsii v doreformennoi Rossii (tsentral'no – nechernozemnye gubernii)* [Agrarian traditions and novations in pre-reform Russia (Central – Non-Chernozem Provinces)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2002. 557 p.
  - 25 Koliupanov N. P. *Biografiia Aleksandra Ivanovicha Kosheleva* [Biography of Alexander Ivanovich Koshelev]. Moscow, Tip. O. F. Koshelevoi Publ., 1889–1892. Vol. 1–2.
  - 26 Kostomarov N. I. *O znachenii kriticheskikh trudov K. Aksakova po russkoi istorii* [On the importance of K. Aksakov critical works on Russian history]. St. Petersburg, Tip. Nikolaia Tiblena i K° Publ., 1861. 32 p.
  - 27 Koshelev A. I. *Poezdka russkogo zemlevladel'tsa v Angliiu na vseмирnuu vystavku* [A trip of Russian Land-owner to England to World Exhibition]. Moscow, Tip. Al. Semena Publ., 1852.
  - 28 Lapteva L. P. *Slavianovedenie v Moskovskom universitete v XIX – nachale XX veka* [Slavic Studies in Moscow University in XIX – beginning of the XX century]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta Publ., 1997. 292 p.
  - 29 Liberman A. A. *Kratkaia biografiia Fedora Vasil'evicha Chizhova* [Concise biography of Fedor Vasilievich Chizhov]. *Sbornik v pamiat' stoletii so dnia rozhdeniia Fedora Vasil'evicha Chizhova* [Collected papers in memorial of one hundred anniversary of Fedor Vasilievich Chizhov birthday]. Kostroma, 1911.
  - 30 Linitskii P. I. *Slavianofily i liberalizm: Opyt sistematicheskogo obozreniia togo i drugogo* [Slavophiles and liberalism]. Kiev, Tip. G. T. Korchak-Kovitskogo Publ., 1882. 255 p.
  - 31 Liaskovskii V. *Brat'ia Kireevskie. Zhizn' i trudy ikh* [Kireevsky brothers. Their life and works]. St. Petersburg, Tip. V. S. Balashev i Ko Publ., 1899. 99 p.
  - 32 *Materialy dlia biografii I. I. Sreznevskogo* [Materials for the biography of I. I. Sreznevsky]. *Pamiat' Izmaila Ivanovicha Sreznevskogo* [In memoriam of Ismail Ivanovich Sreznevsky]. Petrograd, Tip. Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1916. Book 1.
  - 33 Pirozhkova T. F. *Slavianofil'skaia zhurnalistika* [Slavophiles journalism]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta Publ., 1997. 221 p.
  - 34 *Putevye pis'ma Izmaila Ivanovicha Sreznevskogo iz slavianskikh zemel', 1839–1842* [Travelling notes of Ismail Ivanovich Sreznevsky from Slavic lands]. St. Petersburg, Tip. S. N. Khudiakova Publ., 1895. 374 p.
  - 35 *Rannie slavianofily. A. S. Khomiakov, I. V. Kireevskii, K. S. i I. S. Aksakovy* [First Slavophiles. A. S. Khomiakov, I. V. Kireevsky and I. S. Aksakov], comp. N. L. Brodskii. Moscow, T-vo I. D. Sytina Publ., 1910. 206 p.
  - 36 Rudnitskaia E. L. *Liki russkoi intelligentsia* [Faces of Russian intelligentsia]. Moscow, Kanon+ Publ., 2007. 623 p.
  - 37 *Rossiiskii liberalizm serediny XVIII – nachala XIX veka: entsiklopediia* [Russian liberalism of the middle of XVIII – beginning of XIX century: encyclopedia]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 1088 p.
  - 38 *Russkie pisateli 1800–1917* [Russian writers of 1800-1917]. Moscow, Bol'shaia sovetskaia entsiklopediia Publ., 1992. Vol. 2. 640 p. Vol. 3. 614 p.
  - 39 *Slavianofil'stvo i zapadnichestvo: konservativnaia i liberal'naia utopiia v rabotakh Andzheia Valitskogo* [Slavophilism and Westernisation: conservative and liberal utopia in the works by Andrzej Walicki]. Moscow, INION Publ., 1991–1992. Issue 1–2. 191+214 p.
  - 39 *Slavianofil'stvo i sovremennost'* [Slavophilism and modern times]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994. 259 p.

-
- 41 Sreznevskii I. I. *Na pamiat' o Bodianskom, Grigoroviche i Preise, pervykh prepodavatelyakh slavianskoi filologii* [In memoriam of Bodiansky, Grigorovich and Preis, the first teachers of Slavonic philology]. St. Petersburg, Tip. Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1878. 45 p.
  - 42 Sreznevskii I. I. *Friul'skie slaviane* [Friuli Slavs]. St. Petersburg, Tip. Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1878. p.
  - 43 Khomiakov A. S. Pis'mo ob Anglii [The Letter of England]. «*Ia bereg pokidal tumannyi Al'biona...*» *Russkie pisateli ob Anglii 1646–1945* [«I was leaving the foggy bank of Albion...» Russian writers about England of 1646–1945], comp. O. A. Kaznina, A. N. Nikoliukin. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001, pp. 215–238.
  - 44 Khomiakov A. S. *Poln. sobr. soch.: v 8 t.* [Complete works in 8 vol.] Moscow, Universitetskaia tip. Publ., 1900–1904.
  - 45 Khomiakov A. S. *Stikhotvoreniia* [Poems], vstup. st. i primech. V. A. Frantseva. Praga, Slav. In-t; Orbis Publ., 1934. 163 p.
  - 46 Tsimbaev N. I. *I. S. Aksakov v obshchestvennoi zhizni poreformennoi Rossii* [I. S. Aksakov in the social life of post-reform Russia]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta Publ., 1978. 264 p.
  - 47 Tsimbaev N. I. *Slavianofil'stvo. Iz istorii russkoi obshchestvenno-politicheskoi mysli XIX v.* [Slavophilism. From the history of Russian social and political thought in XIX century] Moscow, Izd-vo MGU Publ., 1986. 269 p.
  - 48 Churkina I. V. *Slovenskoe natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie v XIX v. i Rossiia* [Slovenic national liberation movement]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 390 p.
  - 49 Shevyrev S. *Biografiia D. A. Valueva* [The Biography of D. A. Valuev]. Moscow, 1846.
  - 50 Christoff P. K. *An introduction to nineteenth-century Russian slavophilism. A study in ideas.* Gravenhage, 1961. Vol. 1: A. E. Homjakov.
  - 51 Walicki A. *Rosyjskie slowianofilstwo a filozofia heglowska.* Warszawa, 1962.